

Рубрика: Уголовное право и особенности квалификации преступлений

Дмитрий Олегович Куричков, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск), kurichkov_do@mail.ru, ORCID 0009-0000-6714-9676

Отграничение квалифицированного состава кражи от специального состава мошенничества, совершенных с использованием электронных средств платежа

Аннотация

Введение. В статье в результате проведенного сравнительного анализа отдельных признаков составов преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158 и ст. 159³ УК РФ, обоснована актуальность уголовно-правовой охраны имущественных прав, а также освещены некоторые теоретико-прикладные аспекты исследования этих форм бесконтактных хищений. Проведено разграничение данных общественно-опасных деяний, в том числе по характеру и направленности обмана как способа, облегчающего доступ к имуществу, в одном случае, и как способа изъятия имущества, во втором. Изучены основные работы по теме исследования, обобщена судебная практика применения уголовного законодательства в сфере охраны прав собственности.

Методы. Методологическую базу научного исследования составили как общие научные (анализ, синтез, дедукция, обобщение, классификация, сравнение), так и частные научные методы (формально-юридический, метод анализа документов и сравнительно-правовой).

Результаты. Автор на основе обобщения случаев переквалификации деяний с мошенничества на кражу, проанализировал их причины, вступил в

научную дискуссию по поводу отдельных вопросов отграничения квалифицированного состава кражи от специального вида мошенничества. В заключение автором предложены критерии разграничения составов преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158 и ст. 159³ УК РФ.

Ключевые слова: Кража с банковского счета, мошенничество с использованием электронных средств платежа, имущество, обман, злоупотребление доверием, умысел, корыстная цель.

Dmitriy O. Kurichkov, senior lecturer of the department of criminal law and criminology, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk, Russia), kurichkov_do@mail.ru, ORCID 0009-0000-6714-9676

Distinguishing theft from fraud committed using electronic means of payment

Annotation

Introduction. The article, as a result of a comparative analysis of individual signs of the elements of crimes provided for in paragraphs "d" of Part 3 of Articles 158 and Article 159³ of the Criminal Code of the Russian Federation, substantiates the relevance of criminal law protection of property rights, as well as highlights some theoretical and applied aspects of the study of these forms of contactless theft. A distinction has been made between these socially dangerous acts, including by the nature and orientation of deception as a way to facilitate access to property, in one case, and as a way to seize property, in the second. The main scientific works on the research topic have been studied, the judicial practice of applying criminal legislation in the field of property rights protection has been summarized.

Methods. The methodological basis of scientific research consists of both general scientific (analysis, synthesis, deduction, generalization, classification, comparison) and private scientific methods (formal legal, document analysis and comparative legal).

Results. The author, based on a generalization of cases of reclassification of acts from fraud to theft, analyzed their causes, entered into a scientific discussion about certain issues of distinguishing the qualified composition of theft and a special type of fraud. In conclusion, the author proposes criteria for distinguishing the elements of crimes provided for in paragraphs "d" of Part 3 of Articles 158 and Article 1593 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: theft from a bank account, fraud using electronic means of payment, property, deception, breach of trust, intent, selfish purpose.

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире наблюдается негативная тенденция увеличения числа совершаемых преступлений с использованием электронных технологий, сети «Интернет», в отношении безналичных денежных средств, цифровых активов и имущественных прав. Как справедливо заметил М.В. Степанов, можно утверждать, что в настоящее время уголовно-правовая охрана собственности, как одного из важнейших объектов, осуществляется на недостаточно приемлемом уровне [1, 309].

Вопросы противодействия преступлениям, совершенным с использованием безналичных денежных средств и виртуальной валюты, довольно часто становятся предметом научных дискуссий. Достаточно подробно они рассмотрены в трудах В.В. Векленко [2], И.И. Кучерова, Н.В. Летелкина, Н.А. Лопашенко [3], Т.В. Пинкевич, М.А. Простосердова, В.В. Хильюта [4], М.В. Степанова [5] и др. Однако восполнить все пробелы в уголовно-правовой регламентации данных деяний пока на практике так и не удается. В связи с этим нами была изучена литература и судебная практика в разных регионах страны с учетом позиции Верховного Суда Российской Федерации, которые показали, в частности, что обман используется преступниками не только как способ совершения мошенничества, но и как элемент совершения кражи; некоторые характеристики субъективной стороны преступлений позволяют более точно

разграничить кражу и мошенничество, совершенные с использованием электронных средств платежа; и т.д.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе нашего исследования применялись общие научные методы. Анализ и синтез – для всестороннего и детального изучения отличий в квалификации кражи и мошенничества, совершенных с использованием электронных средств платежа, углубленного их исследования. Дедукция, которая позволила сделать вывод о соотношении кражи и мошенничества, совершенных с использованием электронных средств платежа. Обобщение, с помощью которого на основании большого количества отдельных свойств и признаков краж и мошенничеств, нами был сделан вывод о сходстве и различиях в механизме совершения этих преступлений. Классификация позволила структурировать информацию о кражах и мошенничествах, совершенных с использованием электронных средств платежа, сделать ее более четкой и понятной для усвоения. Сравнение позволило сопоставить сведения об элементах этих преступлений.

Среди частных научных методов нами были выбраны формально-юридический метод – для более точного и адекватного правоприменения; метод анализа документов, который помог нам понять, в какой степени в обществе охраняется право собственности, соблюдается законность; сравнительно-правовой – помог проанализировать юридическую практику.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Проблемы интенсификации совершаемых с использованием электронных средств платежа краж и мошенничеств интересуют не только ученых-материалистов, но и практических работников в разных сферах жизни общества. Так, Центральный Банк Российской Федерации в 2023 году зафиксировал прирост жалоб клиентов на мошеннические действия со стороны злоумышленников, использовавших в отношении пострадавших методы социальной инженерии. За 2023 год при улучшении общих результатов банковской превенции преступникам удалось провести операции без согласия клиентов на сумму 15,8 млрд рублей.

При этом вернуть клиентам банков удалось всего лишь 1,3 млрд рублей (8,7 % от этого объема похищенных средств)¹. Кроме этого, недовольство граждан вызвала деятельность микрофинансовых организаций, которая осуществлялась с использованием недостоверной информации в сети «Интернет» для привлечения клиентов.

В целях защиты граждан от криминальных действий в банковской сфере 26 февраля 2024 года Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации приняла Федеральный закон № 31-ФЗ, которым внесены изменения в федеральные законы «О кредитных историях» и «О потребительском кредите (займе)». Главной идеей закона выступает возможность самозапрета на выдачу кредитов и займов, с помощью которой клиенты банка могут сами себя обезопасить от нежелательных манипуляций с их счетами.

На фоне усугубления проблемы с растущим количеством хищений электронных средств платежа постепенно стали проявляться сложности с квалификацией данных деяний, возникающие у правоприменителя. Так, анализ судебной практики показал распространенность следственных ошибок, влекущих за собой дальнейшую переквалификацию деяния в суде со статьи 159³ на пункт «г» части 3 статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Первая причина этого в большей степени субъективная, заключается в недостаточной компетентности правоприменителя, который неверно интерпретирует нормы права или вовсе не знает об изменениях в уголовном законодательстве. Вторая причина в большей степени объективная, заключается в сложностях разграничения совершаемых с использованием электронных средств платежа краж и мошенничеств в случаях хищения средств при бесконтактной

---

¹ Объем похищенных мошенниками средств в 2023 году вырос до 15,8 млрд рублей [Электронный ресурс] // Интерфакс: сайт. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/945907> (дата обращения: 05.05.2024).

оплате в рамках лимита платежа, допускаемого без введения ПИН-кода². Суд по сложившейся традиции квалифицирует такие деяния по пункту «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, руководствуясь пунктом 25¹ постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ПП ВС РФ) от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», который появился после упразднения соответствующего абзаца пункта 17 ПП ВС РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практики по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Позиция суда в данном случае видится нам вполне разумной и заслуживающей поддержки.

По ст. 159³ УК РФ суд чаще всего квалифицирует деяния виновных, которые, например, использовали возможности сети «Интернет» для создания заведомо ложных объявлений о продаже имущества, когда преступники требовали от пострадавших внесения предоплаты через банковскую карту. При этом банковские карты злоумышленников суд рассматривает как электронные средства платежа [6, с. 17].

Так, группа лиц в составе Г.И. и С., совершившая разбойное нападение, завладела наряду с похищенным имуществом банковской картой потерпевшего, с использованием которой совершила оплату покупки в магазине бесконтактным способом. В кассации суд указал, что по смыслу закона хищение может быть квалифицировано как совершенное с использованием виновным электронного средства платежа, если изъятие денег было осуществлено путем обмана или злоупотребления доверием. Таким образом, обоснованность квалификации действий Г.И. и С. по части 2 статьи 159³ УК РФ справедливо вызвала сомнение³. Аналогичные примеры обнаруживаются в кассационном определении Верховного

---

² О прекращении производства по делу о проверке конституционности пункта «г» части 3 статьи 158 и статьи 159³ УК РФ в связи с запросом Железнодорожного районного суда города Рязани: определение Конституционного Суда РФ от 09.07.2021 № 1374-О [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 04.05.2024).

³ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 28.01.2021 № 77-292/2021 // Справочная правовая система Консультант Плюс.

Суда Российской Федерации от 04.08.2022 № 44-УД22-21-К7, кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11.08.2021 № 5-УДП21-71-К2 и множестве других судебных актов.

В.В. Векленко, рассматривая подобные прецеденты, отмечает, что совершение кражи может сопровождаться обманом в том случае, когда он направлен на облегчение доступа к имуществу в целях его последующего тайного изъятия [2, с. 88-89]. Об этом же говорится и в ПП ВС РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», в последнем абзаце пункта 2. Соглашаясь с приведенными позициями, считаем необходимым квалифицировать такие деяния по основному видовому способу как кража. Данное правило квалификации объясняется тем, что в процессе реализации умысла на тайное хищение, лицо может использовать любые другие способы, отличные от кражи, которые не могут и не должны иметь первоочередного значения, а выступают лишь условием, обеспечивающим осуществление в конечном итоге тайного хищения имущества.

В.Н. Винокуров придерживается схожей точки зрения в вариативности форм способов кражи, говоря, что при тайном хищении чужого имущества, когда имущество передается преступнику исключительно для совершения технических действий, и у него возникает доступ к имуществу, такое деяние требуется квалифицировать по статье 158 УК РФ⁴. Следовательно, когда виновному под обманом передают информацию для последующего доступа к имуществу или даже предоставляют возможность прикоснуться к нему, и в конечном итоге злоумышленник тайно этим имуществом завладевает, однозначно такие деяния квалифицируются как кража.

Исходя из этого, можно констатировать, что проблемы разграничения преступлений, предусмотренных статьями 158 и 159³ УК РФ, в научной

---

⁴ Винокуров В. Н. Квалификация хищения вверенного имущества : учебное пособие / В.Н. Винокуров. – Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2006. – С. 45.

литературе связывают именно со способами доступа и изъятия предмета посягательства виновным, обманывающим потерпевшего⁵. В остальном данные составы и вовсе не конкурируют между собой.

Гипотетически тайность, раскрывающаяся через субъективные признаки (осознание виновным факта незаметности его действий для собственника, иного владельца, либо других лиц; факта сохранения присутствующими увиденного в тайне; непонимания окружающими противоправности действий виновного), является весьма конкретизированной категорией. Обман же и злоупотребление доверием могут быть представлены в большем многообразии (в намерении исполнения обязательств, в качестве и (или) количестве предлагаемого товара, в статусе виновного, в сроках, в обмане-взятке, в корыстном использовании служебных полномочий и т.д.). На основании изложенного, логика законодателя в дополненных и измененных конструкциях пункта «г» части 3 статьи 158 и статьи 159³ УК РФ, соответственно, опередившая разъяснения Верховного Суда Российской Федерации (имеются ввиду дополнения 2021 года), видится вполне последовательной. Хотя некоторые авторы с законодателем не соглашаются.

По мнению М. В. Степанова, в случаях, когда ПИН-код от карты пострадавшего получен виновным путем обмана или злоупотреблением доверием, то обман как признак сохраняется, а значит, нужна квалификация преступления по ст. 159³ УК РФ. Даже если механизм обналичивания или иных операций с денежными средствами в безналичной форме, требующий идентификации, не был ярко выражен [5, с. 204].

Н.А. Лопашенко, в свою очередь, выделяет разновидность обмана – умолчание об истине, когда сообщение сведений о ней влияет на принятие решения потерпевшим; обмана в личности виновного и пр. [3, с. 262, 274].

А.В. Архипов, полагая, что мошенничество с использованием электронных средств платежа нельзя признать «классическим» мошенничеством, считает не

---

⁵ Николаев К. Д. Отягчающие обстоятельства хищения: автореф. дис. . ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. – С. 19.

совсем удачным применение юридической техники при использовании термина «мошенничество» в названии нормы УК РФ [6, с. 17]. Помимо этого, данный автор находит неправомерной квалификацию по пункту «г» части 3 ст. 158 УК РФ действий, связанных с оплатой товаров (работ или услуг) чужими или поддельными электронными средствами платежа в торговых и иных организациях, сопровождающихся обманом сотрудников таких организаций [6, с. 18].

Представляется, что оплата товаров (работ и услуг), произведенная таким образом, несет в себе тайный характер списания денежных средств с банковского (иного) счета вне зависимости от того, участвует ли при этом представитель организации или нет. Одинаков в такой схеме и способ достижения корыстной цели виновным тогда, когда последний прикладывает банковскую или иную платежную карту к терминалу на кассе самообслуживания или же на кассе с продавцом-кассиром для производства расчета. В этом случае, разумеется, похищая денежные средства со счета, виновный умалчивает, что является держателем, а не законным владельцем платежной карты.

Законом в настоящее время не предусмотрена обязанность продавца распознавать личность плательщика при расчете с помощью платежной карты в магазинах, АЗС и других торговых организациях. Виновный в ходе выполнения объективной стороны преступления действует скрытно, хотя и в присутствии других лиц. При этом для пострадавшего, с карты которого злоумышленник похищает денежные средства, нет никакого значения, как именно спишутся деньги. Поэтому, как совершенно справедливо пишет С.В. Складов, ответственность за действия виновного должна быть единообразной, поскольку совокупность обстоятельств указывает на правильную квалификацию по пункту «г» части 3 статьи 158 УК РФ [7, с. 21].

Учитывая разнообразность мнений, правоприменитель сталкивается с проблемой осмысления характера обмана как составной части кражи или мошенничества. Думается, что правильным будет такой подход: в составе

мошенничества обман должен присутствовать в момент передачи имущества от фактического владельца виновному [8, с. 48].

При совершении кражи тайный способ может быть дополнен обманом. При совершении мошенничества обратная ситуация невозможна. Ведя речь о специальном виде мошенничества, предусмотренном статьей 159³ УК РФ, мы вправе говорить о дополнении обмана или злоупотребления доверием только «использованием электронных средств платежа», что вытекает исходя из смысла ссылочной диспозиции уголовно-правовой нормы. Обман представляет собой сообщение сведений, несоответствующих действительности либо умалчивание о фактах (активная и пассивная формы). Злоупотребление доверием есть, по сути, корыстное использование сложившихся доверительных отношений с потерпевшим со стороны виновного. В этой части конструкция состава статьи 159³ УК РФ много раз подвергалась критике со стороны ученых. А.П. Кузнецов считает, что «злоупотребление доверием» как конструктивный признак состава должен быть и вовсе исключен из норм о мошенничестве [9, с. 363].

Абсолютно точное умозаключение о соотношении обмана в краже и мошенничестве сделали в свое время Г.В. Назаренко и А.И. Ситникова: «... при краже обман – всего лишь средство получения доступа к имуществу, которым еще предстоит завладеть, а при мошенничестве – способ завладения имуществом с получением соответствующих «правомочий» на него...»⁶. В мошенничестве реализации прямого умысла в достижении корыстной цели путем обмана должно предшествовать его возникновение в сознании виновного. Не менее интересна и в практическом смысле данная ремарка и о моменте возникновения умысла и корыстной цели. Названная цель должна возникнуть до реализации умысла указанными выше способами [3, с. 280-283], что также важно учитывать при разграничении преступных деяний. Полагаем, будучи введенным в заблуждение,

---

⁶ Назаренко, Г. В., Ситникова, А. И. Преступления против собственности: научн.-практ. пособие. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 168 с. – С. 28.

потерпевший при мошенничестве становится убежденным в законности передачи имущества виновному [2, с. 90, 93].

Так, согласно приговору Соликамского городского суда, Т.М.Г., намереваясь удовлетворить свои корыстные потребности путем обмана, используя «Интернет», со своей страницы социальной сети в группе создала объявление о розыгрыше духов. Рассылая сообщения, виновная, не имея в действительности духов и не намереваясь их доставить, утверждала, что те выиграли духи, и предлагала им оплатить их доставку⁷. Действия Т.М.Г. суд квалифицировал по ст.159³ УК РФ.

Считаем, в данном случае судом нарушено правило конкуренции общей и специальной норм об ответственности за мошенничество, несмотря на то, что обстоятельства произошедшего достоверно указывают на состав, предусмотренный статьей 159³ УК РФ (Т.М.Г. не только обманула потерпевших, но и использовала электронные средства платежа).

Аналогичная судебная ошибка была допущена и при квалификации мошенничества, связанного с получением виновным предоплаты в виде денежного перевода от потерпевших за покупку автомобиля⁸. Казалось бы, в части 3 статьи 17 УК РФ недвусмысленно законодатель призывает отдавать приоритет специальной уголовно-правовой норме, и никаких сложностей на практике быть не должно. Такое положение вещей очевидно можно связать с другим видом конкуренции, которая называется «конкуренция части и целого». Она разрешается выбором нормы, наиболее полно охватывающей признаки совершенного преступного деяния. Но как мы видим, это правило не соблюдается на практике [10, с. 6].

---

⁷ Приговор Соликамского городского суда Пермского края от 09.12.2021 по делу № 1-463/2021 – URL: <https://actofact.ru> (дата обращения: 04.05.2024).

⁸ Приговор Ангарского городского суда от 03.08.2021 по делу № 1-763/2021 – URL: <https://actofact.ru> (дата обращения: 04.05.2024).

Правильно квалифицировано судом по пункту «г» части 3 статьи 158 УК РФ хищение, когда преступник обманным путем перевел на свой счет денежные средства потерпевшего, и в дальнейшем их обналичил⁹.

Выбор квалификации деяния непосредственно связан с направленностью умысла виновного [11, с. 96]. Полагаем, что при краже денежных средств с банковского и иного счета умысел должен быть направлен на тайное изъятие чужого имущества, а умыслом мошенника в отношении безналичных денежных средств должно охватываться введение фактического владельца в заблуждение или злоупотребление его доверием именно для их изъятия.

Итак, можно с полным основанием сказать, что состав мошенничества с использованием электронных средств платежа остается хищением со своими характерными способами изъятия имущества (денежных средств в безналичной форме, цифровой валюты) только посредством обмана или злоупотребления доверием, за исключением случаев, предусмотренных статьей 159⁶ УК РФ. Обман в специальных видах мошенничества может иметь техническую и информационную природу (к примеру, С.М. Кочои и Д.А. Овсюков выделили и сформулировали определение «электронного обмана» [12]). Проводить разграничение мошенничества с использованием электронных средств платежа и квалифицированной кражи с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, необходимо, прежде всего, по таким признакам состава преступления:

- направленность умысла виновного для реализации корыстной цели;
- обман при краже облегчает доступ к изымаемому самим виновным в дальнейшем предмету преступления, а при мошенничестве служит основным непосредственным источником его завладения (обманутый или доверчивый потерпевший сам осуществляет операцию с деньгами на счете);

---

⁹ Определение Верховного Суда Республики Бурятия от 29.12.2021 по делу № 22-2539/2021 – URL: <https://zakony.online> (дата обращения: 04. 05.2024).

- кража обязательно характеризуется как тайное хищение чужого имущества, что не специфично для мошенничества [13, с. 121];

- при мошенничестве виновный должен непосредственно использовать электронные средства платежа в процессе обмана или злоупотребления доверием, т.е. при совершении общественно опасного деяния, а при краже – их использование виновным будет выступать формой распоряжения чужим имуществом (безналичными денежными средствами, цифровой валютой и пр.) [14, с. 26].

Проведенный анализ ошибок, допускаемых в судебно-следственной практике при квалификации деяний, связанных с хищением чужого имущества, наводит на мысли о неверной оценке всей совокупности обстоятельств дела субъектами правоприменения [15, с. 258].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При проведении разграничения между квалифицированным составом кражи и специальным составом мошенничества, совершенных с использованием электронных средств платежа, необходимо придерживаться точного установления обстоятельств, характеризующих хищение, его способов, характера причинения ущерба, момента возникновения и направленности умысла виновного, а также формы реализации корыстной цели.

Право собственности как объект уголовно-правовой охраны, занимая одно из приоритетных мест в уголовно-правовой политике, требует более качественной защиты, потому что «государство берет субъективное право собственности под свою охрану, запрещая совершение кем-либо действий, нарушающих правомочия собственника» [16, с. 48]. В этой связи правоприменителю очень важно стремиться к правильной квалификации хищений.

Отмеченные в работе современные тенденции криминализации цифрового пространства и существенный совокупный ущерб (зачастую который не возмещается в тех размерах, которых хотелось бы добиваться при расследовании преступлений), причиняемый физическим и юридическим лицам при совершении

имущественных преступлений, требует высокоэффективной борьбы, прежде всего, уголовно-правовыми средствами. Это значит, что необходимо общими усилиями добиваться унификации правоприменительной практики и ориентации на принцип неотвратимости уголовной ответственности в делах, связанных с хищениями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Степанов, М. В. Оценка эффективности отдельных направлений уголовно-правовой политики противодействия преступлениям против собственности // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2024. – № 1 (65). – С. 309-311.
2. Векленко, В. В. Квалификация хищений: Монография. – Омск: Омская академия МВД России, 2001. – 256 с.
3. Лопашенко, Н. А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование / Н. А. Лопашенко. – М.: ЛексЭст, 2005. – 408 с.
4. Хилюта, В. В. Установление признаков предмета преступного посягательства по уголовным делам о преступлениях против собственности // Законность. – 2023. – № 1. С. 48-50.
5. Степанов, М. В. Социально-правовая обусловленность криминализации противоправной деятельности, сопряженной с использованием цифровых финансовых активов / М. В. Степанов, А. В. Петрянин // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2020. – Т. 11, № 2(40). С. 203-212. – DOI 10.37973/KUI.2020.54.49.010. – EDN FCYNTZ.
6. Архипов, А. В. Мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ) // Уголовное право. – 2019. – № 5. С. 16-20.
7. Скляр, С. В. К вопросу о конкуренции норм, предусматривающих уголовную ответственность за кражу, совершенную с банковского счета, и мошенничество с использованием электронных средств платежа // Вестник

Университетской прокуратуры Российской Федерации. – 2019. – № 4 (72). С. 17-22.

8. Яни, П. С. Вопросы квалификации хищения безналичных денежных средств // Законность. – 2022. – № 1 (1047). С. 46-50.

9. Кузнецов, А. П. Проблемы технико-юридического конструирования норм, предусматривающих ответственность за хищение имущества / А. П. Кузнецов, М. В. Степанов // Юридическая техника. – 2013. – № 7-2. С. 356-367. – EDN RBRSLP.

10. Черненко, Т. Г. О квалификации преступлений при конкуренции уголовно-правовых норм // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей. Часть 47. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 264 с.

11. Агафонов, А. В. Особенности восприятия содержания субъективной стороны преступления / А. В. Агафонов, Д. О. Куричков // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2023. – № 9. С. 91-97. – DOI 10.37882/2223-2974.2023.09.02. – EDN LBOLNO.

12. Овсяков, Д. А., Кочои, С. М. Корыстные преступления против собственности с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Вопросы квалификации : Монография. – М.: Проспект, 2023. – 181 с.

13. Филиппова, Л. А. Квалификация хищений / Л. А. Филиппова // Молодой ученый. – 2019. – № 29 (267). – С. 121-123.

14. Яни, П. С. Мошенничество, прикрытое договором, порождает внедоговорное обязательство // Законность. – 2022. – № 8. С. 22-27.

15. Елец, Е. А., Князькина, А. К. Некоторые проблемы квалификации хищений (на основе анализа правоприменительной практики) // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2019. – № 3 (48). С. 255-260.

16. Елисеев, С. А. «Хищение похищенного»: проблемы квалификации // Уголовное право. – 2008. – № 1. С. 45-49.

BIBLIOGRAPHIC LIST

1. Stepanov, M. V. Ocenka effektivnosti ot del'nyh napravlenij ugolovno-pravovoj politiki protivodejstviya prestupleniyam protiv sobstvennosti // YUridicheskaya nauka i praktika : Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. – 2024. – № 1 (65). – S. 309-311.
2. Veklenko, V. V. Kvalifikaciya hishchenij: Monografiya. – Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2001. – 256 s.
3. Lopashenko, N. A. Prestupleniya protiv sobstvennosti: teoretiko-prikladnoe issledovanie / N. A. Lopashenko. – M.: LeksEst, 2005. – 408 s.
4. Hilyuta, V. V. Ustanovlenie priznakov predmeta prestupnogo posyagatel'stva po ugovolnym delam o prestupleniyah protiv sobstvennosti // Zakonnost'. – 2023. – № 1. S. 48-50.
5. Stepanov, M. V. Social'no-pravovaya obuslovlennost' kriminalizacii protivopravnoj deyatel'nosti, sopryazhennoj s ispol'zovaniem cifrovyyh finansovyh aktivov / M. V. Stepanov, A. V. Petryanin // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2020. – T. 11, № 2(40). S. 203-212. – DOI 10.37973/KUI.2020.54.49.010. – EDN FCYNTZ.
6. Arhipov, A. V. Moshennichestvo s ispol'zovaniem elektronnyh sredstv platezha (st. 159.3 UK RF) // Ugolovnoe pravo. – 2019. – № 5. S. 16-20.
7. Sklyarov, S. V. K voprosu o konkurencii norm, predusmatrivayushchih ugovolnuyu otvetstvennost' za krazhu, sovershennuyu s bankovskogo scheta, i moshennichestvo s ispol'zovaniem elektronnyh sredstv platezha // Vestnik Universitetskoj prokuratury Rossijskoj Federacii. – 2019. – № 4 (72). S. 17-22.
8. YAni, P. S. Voprosy kvalifikacii hishcheniya beznalichnyh denezhnyh sredstv // Zakonnost'. – 2022. – № 1 (1047). S. 46-50.
9. Kuznecov, A. P. Problemy tekhniko-yuridicheskogo konstruirovaniya norm, predusmatrivayushchih otvetstvennost' za hishchenie imushchestva / A. P. Kuznecov,

M. V. Stepanov // YUridicheskaya tekhnika. – 2013. – № 7-2. S. 356-367. – EDN RBRSLP.

10. CHernenko, T. G. O kvalifikacii prestuplenij pri konkurencii ugolovno-pravovyh norm // Pravovye problemy ukrepleniya rossijskoj gosudarstvennosti: sbornik statej. CHast' 47. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2010. 264 s.

11. Agafonov, A. V. Osobennosti vospriyatiya sodержaniya sub"ektivnoj storony prestupleniya / A. V. Agafonov, D. O. Kurichkov // Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo. – 2023. – № 9. S. 91-97. – DOI 10.37882/2223-2974.2023.09.02. – EDN LBOLNO.

12. Ovsyukov, D. A., Kochoi, S. M. Korystnye prestupleniya protiv sobstvennosti s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh setej. Voprosy kvalifikacii : Monografiya. – M.: Prospekt, 2023. – 181 s.

13. Filippova, L. A. Kvalifikaciya hishchenij / L. A. Filippova // Molodoj uchenyj. – 2019. – № 29 (267). – S. 121-123.

14. YAni, P. S. Moshennichestvo, prikrytoe dogovorom, porozhdaet vnedogovornoe obyazatel'stvo // Zakonnost'. – 2022. – № 8. S. 22-27.

15. Elec, E. A., Knyaz'kina, A. K. Nekotorye problemy kvalifikacii hishchenij (na osnove analiza pravoprimenitel'noj praktiki) // Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa. – 2019. – № 3 (48). S. 255-260.

16. Eliseev, S. A. «Hishchenie pohishchennogo»: problemy kvalifikacii // Ugolovnoe pravo. – 2008. – № 1. S. 45-49.

«Представленный материал ранее нигде не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях. Заявляю об отсутствии конфликта интересов, связанного с публикацией данной статьи в журнале «Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России». Разрешаю размещение полнотекстовой версии статьи, а также ее частей в открытом доступе в сети Интернет, а также на

официальных каналах журнала в социальных сетях. При создании статьи не использовались возможности искусственного интеллекта».

21.05.2024г.